

11 КРУГОЗОР - 4

ПРОБЛЕМЫ ВСЕХ СТРАН СОБРАНЫМЕСЬ!
ПРАВДА
Советского Союза

ГАЗЕТЫ
ЖУРНАЛЫ

КНИГИ

КНИГИ

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Пожалуй, нигде так тесно не связаны людские судьбы с городом, как в Ленинграде. Наверное, потому, что у Ленинграда, как и у человека, есть своя собственная судьба. Так что же выбрать мне, по какому месту пройти, чтобы написать о любимом городе?

В предпраздничные и праздничные дни его воздух ощутимо полон грозным, печальным, торжественным и суровым трепетом воспоминаний, или нет—трепетом чувств, мыслей, переживаний. И город весь молодеет, и не просто от флагов, от бесконечных лампочек иллюминаций. Оживают и наполняются дыханием Октября и старые и новые кварталы, и мосты, и памятники. До чего ни дотронься, все—твоя жизнь, рядового ленинградца. Кем бы ты ни был, ты прежде всего гражданин города Ленина, все дорого и все неразделимо с давним днем прошлого и с завтрашним.

И я выбираю Московскую заставу.

С юных лет в жизнь мою навсегда вошла Московская застава, завод «Электросила». Завод готовил первые в СССР генераторы для Днепротэса, для Свири, электропривод для первого блюминга, электромоторы для шахт Довбасса. Я работала там редактором комсомольской странички в заводской многотиражке, агитатором, пропагандистом, историком завода.

Вы думаете, я похваляюсь жизнью моей? Конечно, да! А что бы я была за ленинградка, если бы не хвалилась единой жизнью с городом? Мы все этим хвадимся.

На звуковой страничке—голоса блокады. Голоса, сохранившие имена, и голоса безымянные. Они звучат, они как живые. Потому что у живых и павших, у известных и неизвестных одно общее имя—Ленинград. Это не метафора. В дни блокады ленинградец отвык говорить о себе «я». Он говорил не «мне трудно», «мне тяжело», он говорил: «Ленинграду трудно», «Ле-

нинград не сдастся». Так говорили мы, гордясь городом своим и не думая о том, что это мы сами.

Вспоминая многих дорогих мне друзей—электросиловцев, я прежде всего называю дядю Лешу—Алексея Семеновича Федина, моего крестного отца по партии. Могучий, высокий старик, с пышными запорожскими усами, старый красновардеец, создатель одного из первых ФЗУ в Ленинграде—таким я встретила его, когда впервые пришла на завод. Последний раз я видела его на «Электросиле» в феврале 1942 года, в один из самых страшных месяцев блокады. Лицо его изменилось—у глаз и на висках нехорошие зеленые тени. «Дядя Леша,—сказала я ему,—тебе бы в стационар надо». «Нет,—ответил он,—лучше, Ольга, умереть стоя, чем жить лежа». И он умер стоя—на дежурстве, на защите родного завода.

Среди моих реликвий—пропуск № 23637 «на право прохода и проезда в

город Ленинград». Выдан в ноябре 1941 года. Пропуск служил мне для прохода на мою «Электросилу», где я вела политический кружок: завод считался уже фронтом. Он был и ночным пропуском. Впрочем, ночными пропусками служили и пригласительные билеты на празднование годовщины Советской власти.

Особенно запомнился «Электросиле» Октябрьский праздник 43-го года. Завод был под ожесточенным огнем, но работал для освобожденного уже Донбасса — ночью, в бою, в праздники.

Все это было с нами, ленинградцами. Об этом мы недавно вспоминали с моей подругой Галиной, партийным работником, в парке Победы. На нас смотрели, подтверждая воспоминания, бронзовые бюсты гвардейцев, дважды Героев Советского Союза, строго и стройно стоящие в главной аллее, которую после войны закладывала «Электросила», — эти слепки с наших современников.

На площади Победы сейчас сооружается памятник защитникам города. Коллектив «Электросилы» призвал всех ленинградцев вложить частицу своего труда в создание монумента и первым вместе со строителями вышел на стройку. Теперь памятник возводит весь Ленинград.

В октябрьской колонне рабочим «Электросилы» есть чем гордиться: по заданию пятилетки они создадут для Костромской ГРЭС крупнейший в мире турбогенератор. А в конструкторском бюро уже сделан эскизный проект машины, значительно превосходящей мощность всех электростанций, построенных по плану ГОЭЛРО!

У Ленинграда, города-героя, города-человека, города-коммуниста, прошлое, настоящее и будущее слиты и все обращено к будущему. Каким он будет, Ленинград будущего? Я думаю, таким, как теперь, — с его историей, с его характером, с его сыновней преданностью Родине.

ГОРОДА-ГЕРОИ

МОИ
ЛЕНИНГРАД

О. Берггольц (слева) в группе ленинградских писателей (снимок военных лет).

Где же сии еси, Крейсер Аврора в час когда угробишь нас не войди

На первой звуковой странице голоса блокадного Ленинграда; новую песню В. Шаинского и М. Матусовского поет Э. Хиль.

Над материалами работали В. Манион и И. Зинкина.

Фото А. Маркова

Л. И. БРЕЖНЕВ:
Трудно даже представить себе такой участок хозяйственного и культурного строительства, где не находили бы применения энергия, творчество и дерзание комсомольцев. Ударные комсомольские стройки, групповые конкурсы мастерства молодых рабочих, студенческие строительные отряды, молодежные производственные бригады, летние лагеря труда и отдыха— все это конкретные и очень нужные дела комсомола, вожака советской молодежи.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

**ПЯТИЛЕТКА:
 ГОДЫ
 И МИНУТЫ**

Тебе неполных двадцать.
 — Жизнь только начинается,— уверяют одни.
 — Все еще впереди,— вторят им другие.
 Но ты уже подарил людям город. Дом. Улицу. Завод, который вздыбился в небо мощными трубами. Школу, в которую уже пришли дети. Ты воздвиг животноводческий комплекс.
 Ты оставил память о себе в сердцах тысяч людей—в неполные свои двадцать лет. Ты—будущий агроном, инженер, учитель. Ты—будущий программист, врач, зоотехник.
 Все эти профессии—завтра. Сегодня ты студент. Сегодня ты строитель. На твоих плечах защитная форменка бойца студенческого отряда. Твоя стройплощадка раскинулась от самого Белого до самого Черного моря, от кружевных кодр Молдавии до непроходимого крутолесья Сибири.
 16 лет твоей трудовой школе, школе ССО. Здесь мужает твое сердце и разум. Здесь ты весь на виду—со всеми

своими достоинствами и недостатками. Ты учишься смирять свое «я» (капризы—«я», желание спрятаться за чужую спину—тоже «я») ради большого и мудрого «МЫ» («МЫ»—работа, «МЫ»—друзья, подруги, общая ответственность).
 «Иностранное слово «романтика» здесь по-русски звучит—работа»—так говорят твои поэты. Работа до усталости, до горячего, радостного пота, когда надо выложить себя целиком, отдать все и еще чуть-чуть, чтобы ощутить большое, пьянящее счастье—увидеть, как растет дом, школа, улица, город, построенный тобой. Как в старательском деле, фильтрует стройотряд все лишнее, наносное, легковесное, бережно сохраняя золотишки—мужество, честность, долг, ответственность.
 Здесь, в трудовом студенческом семестре, родился первый коммунистический отряд. Все деньги, заработанные на стройке КаМАЗа, было решено от-

дать в фонд тракторной колонны имени Анатолия Мерзлова—комсомольца, который погиб, спасая от пожара хлеб. Сначала их было двенадцать—бывалых стройотрядовцев, энтузиастов. Их идея зажгла многих. 65 заявлений вместо 17 пришлось обсуждать штабу отряда. На стройку поехали лучшие. И началась работа. Командиру Анатолию Салову силой приходилось уводить ребят с объекта. Десятки местных комсомольцев, закончив свой рабочий день, присоединялись к студентам и трудились вместе с ними. Также бесплатно.
 Было это в прошлом году. Отряд Московского института иностранных языков имени Мориса Тореза стал первым. И вот год нынешний. Из разных уголков страны поступали сообщения: создан еще один коммунистический отряд. И еще. Бесплатно отремонтировали школу, построили дом ветерану войны, воздвигли памятник погибшим героям. Такое тоже рождает студенческое лето.

«Можно ли назвать студентом того, кто не побывал в стройотряде?» — в этом утверждении и юношеский абсолютизм и добрая доля правды. И не только студенты хороши, прошедшие трудовую школу, но и специалисты из них выходят отменные. Главный инженер передвижной механизированной колонны, к которой прикреплен

механизаторы были включены в студенческую коммуны. Вся молодежь приглашалась на отрядные комсомольские собрания. Ни одна планерка у директора ПМК не проходила без участия членов штаба отряда. К мастеру Жене Суворову ходили за советом солидные, уважаемые кадровые рабочие. А главный инженер... он

«В города, одетые песами, в голубые стены над селом формулы ладоней мы вписали, защищая главный свой диплом...» — это строки из песни о студенческих строительных отрядах. Ее поют юноши и девушки, получающие диплом зрелости и самостоятельности задолго до выпускного

институтского вечера — на КамАЗе или в колхозном поле, на животноводческой ферме или благоустройстве города Гагарина, где они приняли в свою семью мать первого космонавта (фото справа)... Всмотритесь в их лица, озаренные светом работы. Вслушайтесь в их голоса на третьей звуковой странице журнала.

был отряд Марийского политехнического института, доказывал горячо и убежденно: «Любого хоть сегодня беру к себе на работу. Высшую ставку дам, только бы закрепить у себя. Такими строителями бросаться — преступление». Отряд объявил свой объект — птицефабрику — ударной студенческой стройкой. Все рабочие-

сдержал свое слово. Добился-таки, чтобы командир отряда получил распределение в его колонну.

Студенческие отряды. Работа — вместе. И вместе отдых, и агитбригады, и концерты, и песни у костра.

Здесь все особое — свой микроклимат. И дух дружбы и коллективизма и любовь.

Тебе неполных двадцать лет.

— Жизнь только начинается, — уверяют одни.

— Все еще впереди, — вторят им другие.

Но уже сегодня на твоей груди горят ордена и медали Родины. Около тысячи бойцов отрядов награждены ими за работу в трудовом семестре.

Жизнь только начинается. Это действительно так. И ты по праву гордишься, что первые свои самостоятельные шаги ты сделал в удивительной, прекрасной школе, имя которой — студенческие стройотряды.

Алла СЛОНИМЕРОВА,
корреспондент радиостанции «Юность»
Фото Л. Лазарева и ТАСС

Роман КАРМЕН,
лауреат Ленинской премии

Я слышал голос Херонимо Арнедо Альвареса. Я слышал, как он произнес: «Наша партия родилась в огне Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей перед миром широкие пути, новую эру для трудящихся масс—эру освобождения от господства угнетателей».

Я слышал голос Генерального секретаря Компартии Аргентины, но мне казалось: эти слова повторяет много-тысячный хор голосов коммунистов «пылающего континента». Сколько раз, когда я работал над фильмами о героях Латинской Америки, я слышал, как произносится с гордой нежностью имя моей Родины, моего Октября. Там увидел я молодость нашей Великой Революции.

Силуэт «Авроры», казалось, вставал в кадре, когда снимали мы кубинскую «Гранму». Со старых плакатов

сходил революционный Петроград на улицах Гаваны. На Плайя-Хирон бойцы читали вслух рассказ о битвах на Волоколамском шоссе. Чилийские комсомольцы, возмущая народу спрятанное саботажниками продовольствие, были такими же, как наши продотрядовцы. И так же, как в наших, в них стреляли. Только не из кулачковых обрезов, а из винтовок с оптическим прицелом.

Наша революция жила в сражениях и утверждалась в победах далекого континента, где боролись они—коммунисты, камарадос, товарищи.

Я слушал голос Херонимо Арнедо Альвареса, который награжден орденом Октябрьской Революции. Я думал о высокой символике этой награды. Некогда кавалерами были лучшие члены рыцарских орденов. Истинных, чистых рыцарей революции теперь мир называет кавалерами ордена Октября.

Его жизнь можно было бы назвать прекрасной легендой, не будь она такой простой, близкой и понятной для всех, кто знает этого обаятельного человека.

Детство его кончилось в 8 лет. Сын батрака, маленький Херонимо был пастухом, потом поденщиком у помещика, грузчиком в порту, рабочим скотобойни. В поисках заработка исходил всю Аргентину...

Но в его «послужном списке» профессионального революционера важны и иные вехи.

1925 год. Товарищ Арнедо вступает в компартию и проявляет себя талантливым организатором.

1927 год. Под его руководством трудящиеся проводят всеобщую забастовку солидарности с Сакко и Ванцетти, безвинно осужденными американским правосудием.

1930 год. Реакция бросает товарища Альвареса в тюрьму. Его пытаются заключенных грузят на баржу, до отказа забитую уголовниками. Долгий путь морем до Ушуйи на крайнем юге страны. Каторжная тюрьма, карцер. Снова пытки и издевательства, нестерпимый холод антарктического юга. Оторванность от кипучей деятельности и борьбы приносит дополнительные мучения. Но народ Аргентины поднимается в защиту своего верного сына, и реакция вынуждена отступить.

1933 год. Арнедо Альвареса избирают членом ЦК партии и вскоре направляют в Москву—учиться в Международной Ленинской школе при Коминтер-

КАВАЛЕР ОРДЕНА ОКТЯБРЯ

КОММУНИСТ—
ЭТО
БОЕЦ

не. На всю жизнь в его памяти осталось первое пребывание в стране социализма. Строительством первой очереди метрополитена, куда он пошел работать добровольцем и где был награжден значком «Ударник Метростроя».

После возвращения на родину его избирают секретарем комитета партии провинции Буэнос-Айрес, а в 1938 году—Генеральным секретарем партии. В исключительно сложной обстановке он среди тех, кто твердо отстаивает принципы марксизма-ленинизма от нападок справа и «слева», ведет борьбу за единство международного коммунистического движения.

И ныне, когда аргентинские коммунисты получили возможность легальной деятельности, партия под руководством товарища Альвареса борется, чтобы объединить все прогрессивные силы страны для отпора непрекращающимся попыткам внутренней и внешней реакции свернуть страну с пути демократического развития.

Арнедо Альварес считает себя лишь учеником Викторио Кодовилья и Родольфо Гиольди—основателей Компартии Аргентины. Но он сам стал учителем тысяч. И есть своя закономерность в том, что именно они, Викторιο Кодовилья, Родольфо Гиольди и Херонимо Арнедо Альварес, в разное время удостоены высокой награды—ордена Октябрьской Революции.

Валериян ГОНЧАРОВ

На второй звуковой странице с вами говорит Арнедо Альварес.

Николай ТИХОНОВ

Десять лет назад, также в ноябре, мы отмечали в Москве 60-летие Саломеи Нерис. Ее не было с нами, она умерла в июле 1945 года. Умерла на 41-м году жизни, успев, однако, сделать так много, что время только повышает интерес и к ее поэзии и к самой ее судьбе.

Поэты-москвичи читали переводы ее стихов. Лев Озеров, много переводивший с литовского, нашел тогда очень точное определение таланта Нерис: «Если бы литовские реки, леса, луга, озера захотели бы заговорить, они заговорили бы именно ее голосом».

Героиня этого вечера была человеком особенным. Чтобы понять всю незаурядность ее биографии, надо было знать Литву тех лет.

Ее страну я увидел впервые в 1937 году, когда там был полуфашистский режим. Мы, делегация советских журналистов, после Латвии должны были ехать в Литву. Сели в поезд и, усталые, среди дня легли спать. И вот я вижу сон: открывается дверь, и в купе появляется человек с огненно-рыжей бородой. Приложив палец к губам, с большой красной розой двигается к стакану на столике, ставит розу и исчезает. Я проснулся — в стакане действительно стояла роза. Я не мог понять, в чем дело. Но на остановке в Каунасе в купе вошел этот рыжебородый, представился: литовский поэт Людас Гира. «Я вас очень прошу, — сказал он, — вденете розу в петлицу пиджака, когда выйдете на вокзал». «Зачем? Ведь я не артист». «Ваш приезд запрещено приветствовать. Но вас придут встречать литовские друзья. И я им сказал: у кого будет красная роза, тот из Москвы».

Такова была обстановка в то время в Литве. И я подумал, как непросто здесь писать стихи, какими трудностями обставлено появление любого живого слова.

...Имя Саломеи Нерис носят школы, библиотеки, колхозы. Она была народной поэтессой в самом точном смысле этого слова. На все она смотрела глазами народа, с позиций народа. За каждой ее строкой стояла правда. Поэтому так верили на фронте ее стихам бойцы. Листовки, написанные Нерис, разбрасывались в Литве. Там оставались ее мать и муж. «Фашисты, — говорила она, — никогда не простят им моих листовок». Но она знала, что ее слова прибавят людям силы, дадут возможность выстоять, выдержать, и снова бралась за перо.

Оставались считанные дни до Победы, и она должна была ехать в Москву вместе с поэтом Юстасом Палецкисом на сессию Верховного Совета. Но силы уже оставили ее, и она прислала Палецкису письмо, в котором была прощальная фраза: «Я всегда с вами».

Герой Социалистического Труда

Юстас Палецкис

рассказывает о Саломее Нерис

на четвертой звуковой странице.

Стихи Нерис

читает заслуженная артистка РСФСР

Л.Толмачева.

В ЛАБОРАТОРИИ МУЗЫКАНТА

В конце прошлого сезона в Большом зале Московской консерватории впервые прозвучал Третий концерт Щедрина для фортепиано с оркестром. Композитор вновь выступил в своем излюбленном жанре фортепианной музыки. (Напомню о созданных им в последние годы двух монументальных фортепианных циклах—24 прелюдии и фуги и Полифоническая тетрадь из 25 прелюдий.) Но построение концерта во многом отличалось от традиционного.

Р. Щедрин. Третий концерт («Вариации и тема») написан в 1973 году в частой для этого жанра форме—темы с вариациями. Однако тема здесь не первоисточник, а итог развития, обобщение, вывод, основная мысль, заключающая произведение. Таким образом, использован принцип вариационности, обратный обычному,—не от простого к сложному, а наоборот. Благодаря этому происходит некоторое смещение драматургических акцентов. Например, традиционная каденция—одна из вариаций—расположена не в конце, а в начале произведения.

Вариации—от латинского «изменение»—это классическая форма развития музыкальной темы путем ее видоизмененных повторений от простого к сложному. От таланта художника зависит, сколь широко и многогранно будет разработана тема.

Но существует—и в науке и в художественном творчестве—иной вид логики: от частного к общему, от детали к целому, подобно тому как гипотеза, основанная на отдельном факте, находит затем свое блистательное научное подтверждение. Именно этот тип логического мышления, нечастый в музыке, использует Щедрин в своем новом концерте. Отсюда и подзаголовок: не «Тема с вариациями», а «Вариации и тема».

Но, конечно, все наши сравнения со сферой научного мышления в данном случае относительны. Ведь Родион Щедрин говорит о том, что его волнует, на языке музыки—самого богатого по граням эмоции искусства. Щедрин-композитор обращается прежде всего к чувству, проверяемому затем разумом, к чувству, дающему пищу мысли.

Музыка концерта несет в себе острые контрасты, резкие смены настроений. Эпически спокойное рассуждение, широкий эпизод у солирующего фортепиано сменяются экспрессивным, драматическим оркестровым фрагментом, затем наступает черед музыки лирического характера... В этом сложном взаимодействии пластов музыкальной материи постепенно прорисовываются проблемы, интересующие композитора. А они масштабны—от гигантских космогонических идей до мягких пейзажных зарисовок, от глобальных проблем до того неприметного в своей повседневности,

без чего тем не менее не может жить человек.

В этих контрастных сопоставлениях вырастает тема, простая, ясная, народному мудрая. Смысл концерта—в исканиях доброго начала, путь к которому идет через трудную и сложную внутреннюю борьбу. Поэтому и язык, на котором говорит композитор, сложный, гармонически острый, не ласкающий слух, но держащий собеседника в неослабевающем напряжении. Щедрин обращается к своему современнику, к человеку, знакомому с кибернетикой, понятиями космоса, сложными математическими формулами...

Родион

Щедрин: "НАРОДНЫЙ РОДНИК"

Р. Щедрин. Последняя вариация концерта несет определенное слуховое противоречие: несмотря на остроту звучания, тема предстает перед слушателем уже без изменений. Она подобна вазе, расколотой на множество мелких кусочков, которые солист постепенно «склеивает» воедино.

Какова же эта тема, которую музыкант так долго вынашивает и решается высказать лишь в конце произведения? Тема эта близка к русской народной мелодии, немногословна, глубока и значительна. В чем-то она похожа на крестьянский бабий плач, в котором скорбь соединяется с раскованностью выражения. Эта простая тема звучит как вывод из сложных раздумий.

Р. Щедрин. Несмотря на определенные внешние признаки, присущие жанру концерта для солиста в сопровождении оркестра, мне нигде не хотелось бы терять из виду восприятие слушателя, концертность изложения, а главное, образную сущность музыкального повествования.

В контрастах и противопоставлениях тем и образов складывается музыкальное целое, в котором рассчитана каждая деталь, каждый элемент. Композиции Щедрина подобны сложнейшим современным машинам, каждый блок которых элементарен, а целое привлекает совершенством гармонии. Каждое сочинение несет сложные концепции и простые, человечески ясные идеи. Чтобы понять и воспринять их, надо слушать, слушать и слушать музыку Щедрина.

Д. РОМАДИНОВА

На шестой звуковой странице вы услышите заключительный фрагмент Третьего фортепианного концерта Р. Щедрина в исполнении автора и Государственного симфонического оркестра под управлением Евгения Светланова.

Фото Л. Лазарева

НЕИССЯКАЕМ

На Берлинском фестивале политической песни нынешнего года наши «Искатели» не были новичками. Они представляли Советский Союз еще на первом фестивале—в 1970 году. Тогда это были студенты Московского энергетического института. Теперь они стали аспирантами, доцентами, научными работниками. У Гарри Мирзабекяна, играющего на электрогитаре, уже готова докторская диссертация. Солист-вокалист Юрий Фельдман—тоже кандидат технических наук. Бас-гитарист Лев Мионов—аспирант, старший инженер МЭИ. Ударник Аркадий Лавровский—старший инженер одной из кафедр института. Первый тенор и концертмейстер Виталий Петров—научный сотрудник. Валерий Усатый—инженер МЭИ, мастер спорта, в ансамбле представляет классическую и бытовую пантомиму. Инженерный диплом и у звукотехника Михаила Грибкова. В ансамбле лишь два профессиональных музы-

ЗНАКОМСТВО

ИСКАТЕЛИ

По просьбам читателей

канта—композитор Николай Песков, руководитель коллектива, и Валерий Кузнецов, преподаватель музыкальной школы по классу баяна, он играет еще и на трубе, флейте, рояле, ударных. Будущим летом «Искатели» отметят свое десятилетие. За эти годы они побывали с концертами на самых больших комсомольских стройках страны, собираются на БАМ. ЦК ВЛКСМ вручал им путевки на многие международные фестивали. Сейчас в репертуаре «Искателей» советские патриотические и комсомольские песни. Каждое их выступление—режиссерски продуманная песенная композиция с включением пантомимы. Подготовка ее означает для коллектива поиск наиболее ярких выразительных средств.

Л. ГУЩИН,

первый секретарь Кузнецовского РК ВЛКСМ г. Москвы

Народный артист СССР Р. Я. Плятт вряд ли нуждается в специальном представлении. Его любят и ценят за создание многочисленных и разнообразных ролей в театре, кино, на телеэкране. Но, возможно, не все знают, что творческая судьба замечательного актера уже не одно десятилетие самым тесным образом связана с художественным радиовещанием. Вот об этой стороне его деятельности мы и попросили рассказать Ростислава Яновича Плятта.

Ростислав ПЛЯТТ
народный артист СССР

ЗРИМЫЙ ЗВУК

Если быть вполне точным, должен сказать, что моя работа на радио началась даже раньше, чем возникло художественное радиовещание. Я пришел впервые в радиостудию пробоваться на диктора и проработал диктором два года, естественно, не оставляя театр. До сих пор с благодарностью вспоминаю тех, кто учил меня первым шагам на радио: спокойствию при предельном напряжении, молниеносной реакции, владению собой и своим голосом... Помню одно наше совместное дежурство с опытным диктором Александром Николаевичем Степановым. Мы вели с ним ночную передачу и, конечно, непосредственно в эфир: никаких предварительных записей тогда вообще не было. Читали по очереди. И вот я, заканчивая свой кусок и готовясь перевернуть текст Степанову, вдруг замечаю, что он задремал. Что делать? Прочитать за него не решаюсь: все-таки я еще только начинающий диктор, разбудить его тоже страшно: что он спросонья вдруг скажет... Очевидно, в волнении я все-таки задел его плечом. И он тут же без малейшей паузы, ровным голосом продолжал чтение в заданном ритме и именно с того места, где я кончил. Мне еще надо было приходить в себя, слушая, как его ровный голос читает: «О качестве людей, работы и вещей...» Первые же шаги в художественном радиовещании я сделал вскоре после того, как начал работать диктором. Принять участие в радиопостановках меня пригласил Осип Наумович Абдулов. Для меня тогда вообще было «Абдулов тире радио». Он был и диктором, и режиссером, и актером, и учителем—словом, невероятным энтузиастом радиодела и нас, артистов театра Заводского, увлек за собой. В начале 30-х годов Осип Наумович образовал радиотруппу—я люблю ее называть абдуловским театром. Кстати, должен заметить, что мы привыкли говорить о труппе Малого театра или, скажем, труппе Театра сатиры, но, безусловно, и на радио тех далеких времен и сейчас при основных передачах детского вещания («Клуб знаменитых капитанов», «Радионяня»), при отделе сатиры и юмора («С добрым утром!»), в постановочных передачах больших циклов существовала и существует своя актерская труппа. В распоряжении режиссера всегда были все артисты Москвы, но ядро труппы складывается постоянное. Это естественно. Собираются единомышленники, актеры определенного жанра, необходимой характеристики, усваивающие специфику радиодействия. Это отлично понимали и понимают все опытные режиссеры радио. Начиная создание такой радиостудии и

На записи первых передач
«Клуба знаменитых капитанов»:
Р. Плятт, О. Абдулов,
М. Названов, А. Хованский,
В. Сперантова.

актерской труппы именно Абдулов. С каким увлечением, радостью работали мы часами, часто и ночью, в студии милого сердцу телеграфа! Были у нас и свои музыканты, и композиторы, и инсценировщики, и даже «болельщики». Им разрешалось присутствовать на наших многочисленных репетициях: ведь передача непосредственно шла в эфир и текст надо было знать отлично, лист бумаги был только для страховки. «Болельщики» (чаще всего ими были те же музыканты—оркестр тогда сидел с нами в одной студии) были для нас неоценимой аудиторией. Они давали нам смеховую и прочую эмоциональную реакцию. Абдулов очень поощрял, даже требовал импровизации: только тогда актер чувствовал себя вполне свободно в студии. Иногда получались очень удачные дополнения и к тексту и к характеру героя. Ведь режиссер требовал от нас действия, действия у микрофона. Он отлично знал, что дает приближение или удаление от микрофона, отклонение головы, реплика, брошенная сбоку, знал цену паузы... Это сейчас в распоряжении режиссера радиостудии и музыкальная фонотека, но мы-то, старая гвардия радиоактеров, знаем, чего стоит «шум» нашей собственной игры, наше актерское «гур-гур» в студии. А тогда, тогда мы чувствовали себя пионерами нового радиодействия и играли самозабвенно, радостно. Чтение на радио? Нет, такого понятия для меня просто не существует. Его не признавал и никогда не допускал ни Абдулов, ни какой-либо другой режиссер. Даже когда я должен был читать от автора в «Шинели» Гоголя, Абдулов требовал: «Он вынимает платок. Ты должен сделать это зримым. Не только слышимым, но и непременно зримым!» Он удивительно чувствовал и передавал нам атмосферу передачи. Очень увлекались мы «голосовым гримом». Помню, как я искал «голос» для Дон Кихота—я играл длинного, того же Дон Кихота, хотя рост по радио и не виден: говорил таким высоким тенорком, романтически дрожащим. А для лесковского полковника Кукушкина «голосовой грим» требовался совсем иной: я пропускал букву «л» (ловушка—овушка, лошадь—ошадь), Получалась такая округлая речь. Мне казалось, таким образом кругло рисуется и внешность персонажа, его характер. А сколько мы кашляли, пришепetyвали, хрипели и так далее и тому подобное. Разумеется, это не было самоцелью, но радиообраз надо было сделать не только слышимым, но и зримым. И с тех далеких лет и навсегда я предан этой особенной, очень увлекательной для артиста работе на радио.

Продолжение рассказа Ростислава Плятта о его работе на радио как «поющего» драматического актера вы сможете услышать, поставив на свой проигрыватель пятую звуковую страницу, подготовленную корреспондентом «Кругозора» Н. Ростовцевой. Ростислав Янович Плятт поет для вас арии шерифа и Джингля из радиопостановок «Робин Гуд» и «Записки Пиквикского клуба», а также песенку Слоненка из передачи по сказке Кипплинга.

● Не с лихости, не сгоряча, не шуткою едва ли меня спросили: «Будешь чья?», — ответа ждать не стали. Я не обиделась. Но вмиг ко мне вернулись лица, как в полудетский мой дневник, где вырваны страницы. Там строчка каждая важна для моего познания: я заносила имена в тетрадь для рисования. Ровняла букочки с трудом и целый день сыяла — я в жизнь свою, как в новый дом, всех встреченных вселяла. Я разделить их не могла на главных и не очень, но всем поровну раздала профессию: рабочий. И наделила всех сполна добром ума — не чином. Не только выдумка одна была тому причиной. Я открывала тех людей, чтоб им открыться тоже. Чтоб через много-много дней мне стать на них похожей.

● Нас по утрам будила мать со строгостью покорной: «Вставайте, дети. Хватит спать. Сегодня дел по горло». Сквозь сон шептали мы: «Сейчас...», ища на миг спасенья от слов: «Рабочий день у нас, доспите в воскресенье». Не оттого ль из детских снов мы выросли досрочно, чтоб нам открылась суть основ: народ и класс рабочий. У нас в героях состоял весь арсенал соседей: Кузьмич с прищуром глаз — столяр. Прасковья — нарасхват маляр и парикмахер Федя. Мы слышали, как говорят вот про таких по свету: «Не человек, а чистый клад, цены такому нету». И нам запомнилось навек

то правило простое: велик взаправду человек, когда он дела стоит.

ПРОФЕССОР

Конец зимы. И достоверно, что первый снег вполне забыт. Но на странице сорок первой «Мир приключений» вновь открыт. Профессор сердится: «Ах, черт!» — развитие действия теряет. Вот так студент сдает зачет: вздыхает — и очки втирает. Ну, что ж... Он тоже собирал по крохам жизнь: и спотыкался и выбит из седла бывал, но за оседлость не держался. Не дополнить дачных мест, не заблудившийся скиталец, он был из тех, в ком крут замес: дед — сибиряк, отец — уралец. Из тех, в ком принципы тверды, как бы их годы ни косили. Он частью был живой руды металлургической России. Рабочий парень...

с ним рядом — приглядишься получше. Огнем испытывалась жизнь его и тех трудов научных. И если, честно говоря, начать бы жизнь сначала —

ее не начинал с нуля, а, как и прежде, с новой домны. Профессор у окна стоит — опять бессонница, наверно. ...Последний снег к земле летит, такой же чистый, как и первый.

ОБЕД В ТУРБИННОМ ЦЕХЕ

В час краткий, перерывный (уж так заведено) играет цех турбинный в бытовке в домино. Стол, виды повидавший, и куца скамья. А в центре — харч домашний. Ни дать ни взять — семья. Здесь мудрый оператор не погрешим ни в чем — как турбогенератор, режиму подчинен.

А машинист насосов — в своей работе бог — чуть не остался с носом, да ученик помог. Нужна не то что смелость, а тот беспечный вид: такую «рыбу» сделать, что смену будешь сыт. Кого «козлом» оставить — болельщикам ясней. Тут слову не заржавеет, но лишнего не смей. Иного побратима, лихого игрока толкнут: «Остынь, родимый. Пожуй чего пока...» Турбинный цех играет и в этом знает толк. Что в целом означает: идет, как надо, ток.

ЗЕМЛЯ ЩЕДРА

Какой бы ни была дорога поздней, каким бы небо ни было беззвездным, но кто-то есть, кто свет зажжет, от ветра загородит, до перекрестка в добрый час

проводит. То там, то здесь. Каким бы скрытным сердце ни осталось, каким бы личным горе ни казалось, но кто-то есть, кто в дом войдет,

не дожидаясь зова, кто возвратит надежду братским словом.

То там, то здесь. Каким бы слабым ни пришлось родиться, какому б граду о посев ни биться, но кто-то есть, кто слабого своим дыханьем

вскормит, словно корни.

То там, то здесь. Так есть. Так будет. На дороге — голос. В окошке — свет. На поле — новый колос. Земля щедра. И ты на ней не бойся затеряться, но и не прогляди ее богатства — ее добра.

На мой взгляд, из всех западноевропейских мастеров, работающих в жанре эстрадной песни, французы достигли наибольших успехов. Музыка их мелодична, проста, нередко несет в себе интонации народных песен. Авторами этих произведений бывают крупные композиторы и поэты, и многие исполнители сочиняют для себя стихи и музыку. К таким артистам относится и Франсис Лемарк.

Лемарку 57 лет. В молодости он сменил множество профессий — был булочником, шофером, подмастерьем у меховщи-

ка. Любил музыку, но никогда всерьез ею не занимался. Однажды он попал на концерт Эдит Пиаф. Вышел потрясенный. С тех пор у него появилась мечта — стать эстрадным певцом.

Под впечатлением услышанных песен Лемарк и сам стал сочинять. Он принес свои первые попытки поэту Жаку Превьеру, с которым был немного знаком.

— Я не очень разбираюсь в песнях, — сказал Превьер, — но покажу ваши сочинения своим друзьям.

Слава пришла мгновенно. Песни Лемарка начали исполнять известные артисты. Молодой композитор решил попробовать и себя в качестве эстрадного певца. Перед тем как выйти на профессиональную эстраду, он долго рабо-

тал, советуясь с Эдит Пиаф, Морисом Шевалье и другими мастерами этого жанра.

Лемарк, как правило, поет песни, где ему принадлежит либо текст, либо музыка, а чаще всего и то и другое. Для его исполнения характерны простота, добрая улыбка, тонкая ирония, мягкая грусть. Не обладая значительными вокальными данными, он, однако, очень музыкален, артистичен и, как бы «рассказывая» слушателям свои песни, создает яркие художественные образы.

Песни Лемарка мелодичны, душевны. Как бы нарядно и затейливо они ни были оркестрованы и расцвечены, мелодия всегда первостепенна. И благодаря своей выразительности запоминается сразу, живет долго. Недавно Лемарк выпустил пластинку со своей «классикой».

Франсис с женой Джинни и тремя взрослыми детьми живет в двадцати километрах от Парижа. Он любит свой родной город, но вдали от бурного столичного водоворота спокойнее — легче дышится, легче работается.

Лемарк — большой друг нашей страны. Впервые побывал в Москве в 1956 году. Затем в следующем году как член жюри Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С тех пор приезжал еще несколько раз на гастроли, которые проходили с неизменным успехом.

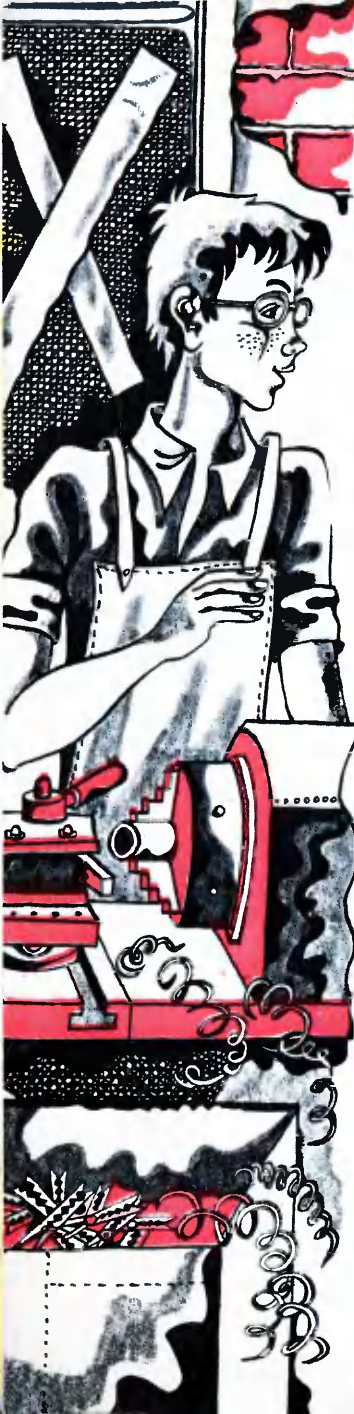
Никита
БОГОСЛОВСКИЙ

На десятой звуковой странице вы услышите известные песни Франсиса Лемарка в новых инструменталках Мишеля Леграна:

«Когда солдат»,
«Маржолена» и
«Красная роза».

МОЯ
ПРОФЕССИЯ —
ПЕСНЯ

УЛЫБКА
ДРУГА

Петр МЕЖЕРИЦКИЙ

— Крокодилы будешь делать!—заорал Добрынин.

Крокодилы замучили экспериментальный цех. Вроде бы ничего особенного: зажим в виде прищепки с длинной зубастой крокодиловой пастью. Но мастерить его приходится вручную, штампы не получают никак.

Месячная программа крокодилов, как невыгодная работа, распределяется между пятью-шестью слесарями в наказание за брак. Гриша был наказан за строптивость: кронштейны блоков настройки ему, видишь ли, невыгодная работа. Шестнадцать лет, щенок—и тоже!..

Слесарному участку тесно в бывшем административном здании. Гриша свою каморку делит с Емельяном Котовым—одноногим лысым ве-

ТАКИЕ КРОКОДИЛЫ

сельчаком с коротким носом. У каждого свой верстак, свой табурет и один на двоих древний, почти антикварный токарный станок. На стене лозунг: «Все для фронта, все для победы!» На календаре—начало сорок третьего.

И Гриша и Емельян—оба жмоты и грызутся за каждую копейку. Рвачество Емельяна хоть объяснимо: жена, мать, двое ребят. А вот пацан все складывает на сберкнижку, а на себе только и имеет добра, что хорошей кожи ботинки. Даже спит не в общежитии, где у него койка, а на своем верстаке.

В семь утра Емельян распахивает дверь и приподнимает ушанку над нежным лысым черепом.

Гриша уже восседает за верстаком. Он вскидывает голову, глядит на Котова сквозь

толстые стекла очков и безмолвно раз десять кивает: ни дать ни взять трудяга сапожник, встречающий поутру непутевого сына. Должно быть, такая реакция вызывается завистью и болью: жизнелюбие Емельяна теплым духом тянется за ним от семейной печи, от выстиранной косоворотки, от аккуратной заплаты на броках. У эвакуированного Гриши дома нет, жены и детей по молодости тоже, а о родителях он старается не думать.

Чтобы выработать месячную зарплату, Гриша должен наполнить полуметровой высоты ящик всего лишь на ладонь от донца. Но время идет, по дну ящика перекачивается единственный образцовый крокодил, и день ото дня множатся на полу у верстака его неудачные собратья.

Недалеко от завода детский дом. Раз в неделю белокрысы парнишенка года на два моложе Гриши приходят под окно, и Гриша в торбочке опускает ему хлеб и еще что-то съестное. Спрашивает, как дела.

— Ничего,—отвечает парнишка и сообщает детдомовские новости: у кого родители нашлись, у кого погибли и другие разности, только о еде никогда ни слова.

— Кто таков?—полюбопытствовал однажды Емельян.

— Земляк. Тоже из Белоруссии,—ответил Гриша и очень удивил этим Емельяна, которому землячество в столь широких географических пределах отнюдь не представляется основанием достаточным, чтобы отрывать хлеб от собственного рта.

В конце второй декады Добрынин, не глядя на Гришу, велел ему заняться доводкой двух комбинированных штампов. Это сулит Грише примерно четверть его зарплаты. Гриша сделал работу и опять взялся за крокодилов.

— Григорий, слышь, еще есть штампы, крокодилы брось.

— Не брошу.

— Ну, брат,—сказал Емельян,—уж это ты действительно...

Когда Гриша ненадолго вышел, Емельян торопливо осмотрел его рабочие ящики. Там скопилось около десятка штампов, две конструкции оригинальные, такие еще пробу не проходили. Металл они мяли меньше, можно было, пожалуй, рискнуть уговорить ОТК, сам-то Емельян рискнул бы. Но Гриша—куда там! Гордый пацан, детали чтоб были без сучка, без задоринки.

В последний день месяца Гриша был вял и задумчив и вечером, когда Емельян собирался уходить, спросил:

— А нельзя этого пацаненка устроить к нам слесарем?

— Какого пацаненка?

— Ну, этого, моего... Витю. Возьми его учеником.

— Не возьми. Не заедаешь бы с начальством—сам бы мог взять. То-то, соколик. Ты чего, опять остаешься?

— Остаюсь,—буркнул Гриша и отвернул нос.

Утром, еще до смены, к ним заглянул Добрынин. Гриша спал на верстаке, укрывшись халатом и ватником. В ногах у него стоял печально известный ящик, накрытый газетой. Добрынин, разжалобленный и раздраженный, снял газету и обомлел: ящик был полон крокодилов. В нем лежала примерно полугодовая программа завода.

Он вышел и вернулся с нормировщиком Федей.

Гриша заворочался и сел. На детском лице еще держался сон, и глаза были большие и глупые. Он пошарил в изголовье, надел очки и сразу стал прежним маленьким старичком с булавочным взглядом и плохим характером.

Зажимы взвесили: их оказалось больше десяти тысяч. А на дне ящика скромненько стоял оригинальный штамп последовательного действия с разрезным пружинящим пуансоном и гибкий в ленте.

— Вот ловкач,—закричал нормировщик Федя,—восемнадцать тысяч рубчиков!

...Докладчик сделал паузу и отпил глоток воды.

— В ту пору я еще не работал на заводе и не мог проследить, каким путем Григорий Михайлович добирался к решению, которое устраивает нас даже тридцать лет спустя. Но звезда его сразу же возшла на заводском небосклоне, и, обретя статус специалиста, он взял меня учеником. А так как я тогда еще не был главным инженером, мне удалось не только видеть, что он творит, но и как он творит. Весной сорок четвертого года мы получили задание. На твердом вольфрамовом стержне диаметром один миллиметр и длиной миллиметров сто пятьдесят надо было нарезать ровную и чистую резьбу. До Гриши... простите, до Григория Михайловича дошло категорическое повеление: освоить процесс и ежемесячно выдавать три тысячи штук. А мы над одной промучились час, и все равно никуда она не годилась.

Вольфрамовую проблему Гриша попытался решить просто: сделать приспособление. Резьба стала получаться, но какая! В задирах, с выкрошенными участками и целыми витками. Тогда Гриша стал пробовать смазки, нарезку на малых оборотах, на средних, на больших. Затем ввел предварительный отжиг проволоки, затем промежуточный. И это не помогло.

Гришу вызвали к главному инженеру. Там собрался консилиум. Гриша вернулся с книгами и угромо читал их весь вечер, а перед сном стал точить новые шкивы к своему станку. Когда он поставил их вместо старых и включил станок, старец завертелся так проворно и визгливо, что сам Гриша испуганно прижался к стене.

— Ф-ф!—сказал он.—Закрутился. Витя, пошуруй по заводу, найди вот такой шарикоподшипник.—И расставил руки.

— Уважаемое собрание,—сказал докладчик и развел руками, а в зале (в который уже раз!) прокатился смех,—позвольте заверить вас, что, несмотря на полную техническую незрелость, я понимал, что такого подшипника на нашем заводе я не найду. Видимо, уже тогда мне было свойственно различать желаемое и достижимое, что и не позволило мне стать изобретателем в отличие от Григория Михайловича, который не далее как на прошлой неделе явился ко мне и потребовал технический алмаз в пятнадцать каратов... (Смех в зале.)

Но утром шеф ужаснул меня мрачностью. Он разочаровался в своей идее. А тут, как назло, пришел наш мастер, напомнил, что детали ждут. Мой шеф ввернул Федосеичу шпильку, вторую, бедняга разъярился и выскочил, хлопнув дверью. И вдруг моего шефа осенило. Он вскочил, сплясал

нелепейший, но полный первобытного восторга танец. После этого работа у нас закипела...

В час ночи, когда слесарный участок опустел, дверь отворилась, на пороге появился Витя, прислушался и, повинаясь команде шефа, бросился бежать по коридору.

— Слишком быстро,—сказал Гриша.—Побежишь под мой счет.—И прикрепил к его поясу конец вольфрамовой проволоки. Вите предстояло сыграть роль суппорта токарного станка.

— Пошел!—крикнул Гриша и включил станок.

Шпindel с зажатой в патроне дреколей завертелся с бешеной скоростью, нарезая на проволоке резьбу. Витя бежал по прямой, и, когда добежал до конца коридора, Гриша выключил станок. Поднес проволоку к самому носу и стал придирчиво изучать результат. Затем похлопал себя по животу, что означало: «Высший класс!»

После разрезки и заправки концов они прикинули, что сделали больше четырех тысяч деталей.

— Хватит,—сказал Гриша.—И так зашибли денгу.

— Гриша, а что купим?

— Что купим?—переспросил Гриша. Они уже легли и погасили свет, но сон еще не шел.—Самолет купим.

— Не, серьезно.

— А что бы ты хотел?

— Шоколад, изюм, сапоги кожаные,—заторопился Витя и вдруг устыдился.—Книг хороших.

— Купим,—пообещал Гриша.—Прямо завтра.

...В зале стало очень тихо, а докладчик запнулся и зачем-то переставил с места на место стакан с водой.

— Утром мой шеф ушел сдавать детали (этот день у него был выходной) и исчез с завода. Появился он к вечеру и торжественно вручил мне две книжечки — «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Спартак» Джованьоли.

— Гриша, а шоколад?—глупо спросил я.

— В другой раз,—омущенно сказал Гриша и лег.

И я лег. Давно уже я не плакал, а здесь не выдержал. Просто сошлось все вместе. Все-таки мне было только пятнадцать лет, а у меня уже не было ни дома, ни папы, ни мамы... Рот я, конечно, зажал, но попискивание все равно прорывалось. А Гриша делал вид, что спит. А ведь не спал. Ведь не спал, Григорий Михайлович?

Человек в толстых очках за столом президиума, прикрывая локтем на лацкане пиджака только что врученную ему звезду Героя Труда, а ладонью прижимая дрожащие губы, невразумительно помотал копной седеющих волос.

— Ну вот. А утром всех нас собрали на митинг, и директор завода сказал, что вчера один из самых молодых наших рабочих, Гриша Бондарев, Григорий Михайлович, внес все свои сбережения — пятьдесят тысяч рублей — на строительство самолета для разгрома врага.—Докладчик умолк. И долго откашливался.—Еще только хотел я у тебя спросить, Григорий Михайлович. Мне ты хоть эти книжечки... А себе? Себе купил что-нибудь?

И, по-прежнему прижимая ладонью дрожащие губы, человек за столом президиума покачал головой.

Рисунок А. Борисова

В ДЖУНГЛЯХ ГВИНЕИ- БИСАУ

Фото автора

Тропические леса с экзотическими цветами, дурманящими запахами, непроходимой сетью лиан и травой в два человеческих роста, такой острой, что о нее легко можно порезаться... И вдруг—небольшая поляна в джунглях. На ней—несколько глинобитных хижин. Но я вижу, что они покинуты, что могучие пальмы рядом со мной изранены осколками, а в пересохшей от жара земле—воронки от бомб. Люди ушли с поляны в чащу. Здесь они построили новые жилища, лесные деревни—табанки.

Вот одна из таких деревень—Донка, которую вы видите на фотографиях. И хижины, и госпиталь, и школа-интернат окружены окопами. Мужчины, женщины и даже дети вооружены. Тропическая чаща скрывает людей от самолетов-разведчиков. Одинадцать лет на земле Гвинеи-Бисау шла война, и у жителей табанок большой военный опыт. Многие дети выросли во время войны и сами научились воевать.

Таким я первый раз увидел фронт в джунглях. В те дни еще не была провозглашена и признана независимая Республика Гвинея-Бисау, но гвинейские патриоты контролировали уже две трети территории страны. Военные операции готовились продуманно, и один за другим сдавались форты колонизаторов. Важнейшей заботой гвинейских военачальников было—брать эти форты с минимальными потерями. «Мы не можем позволить себе терять людей»,—говорил секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Аристидес Перейра, занявший этот пост после злодейского убийства основателя партии Амилькара Кабрала. И патриотам удалось так умело провести одну из важнейших в военном отношении операций—взятие форта Гиледж, что их потерями в бою был только один раненый солдат.

Кто же они, эти люди, вступившие по призыву Амилькара Кабрала в борьбу

за независимость родины? Вот несколько имен.

Антонио Лейта. В 17 лет он уехал из дома, вступил в ПАИГК. Воевал десять лет. Овладел радиodelом, знает несколько языков. Красивый, улыбчивый... Но я видел, как он загрустил, получив после 12 лет разлуки фотографию своей матери: друзьям удалось переправить ему письмо через Европу.

Фоде Касала (на фото справа). Один из первых кавалеров ордена Амилькара Кабрала. Он получил его за то, что сбил самолет командующего авиацией колонизаторов.

Кармен Перейра. Политкомиссар, член Исполкома борьбы. Я видел, как советовались солдаты с этой волевой, энергичной женщиной.

Марио Кабралу всего 15 лет (его фотопортрет слева), но на южном фронте он уже второй год.

И, наконец, Карлос Нуньес, с которым мы особенно подружились. По специальности он архитектор, но ко-

ПЕСНИ-БОРЦЫ

На девятой
звуковой странице
вы услышите
музыку и песни
Гвинеи-Бисау
и островов
Зеленого Мыса.

мандовал минометным расчетом. Окончил Киевский инженерно-строительный институт. Тема его диплома — Дворец спорта на шесть тысяч мест. Мечтает заниматься жилищным строительством, строить города.

Я слушал его в хижине-временке, крытой соломой, с бамбуковыми скамьями и столами, и верил, что мечты Карлоса очень скоро могут стать реальностью, как и мечты других гвинейских бойцов. Среди них много подготовленных специалистов — агрономов, врачей, строителей, радистов. Они сражались, но готовились к главному — к мирной жизни. И Аристидес Перейра имел в виду именно это, заявляя: «Мы не можем позволить себе терять людей». Война кончилась, сейчас все эти люди смотрят в завтра...

Всеволод ШИШКОВСКИЙ,
собственный корреспондент
радио

Конакри — Москва

С кубинской певицей Нерейдой Наранхо мы встретились на московском фестивале «Мелодии друзей-74». Репертуар певицы разнообразен. В основном это фольклор стран Латинской Америки. В последнее время ее привлекают песни социального содержания — новое течение, которое развивают молодые композиторы Кубы. За одну из таких песен Нерейда Наранхо получила первую премию на фестивале «Золотой Орфей-74».

Верен фольклорному направлению и второй участник одиннадцатой звуковой страницы — польский вокально-инструментальный ансамбль «Братство Куркове-1791». Вместо общей фотографии музыканты предложили читателям «Кругозора» автошарж. «Если вам очень

много или очень мало лет, то единственное ваше спасение — в чувстве юмора, — сказал руководитель ансамбля Петр Янчерски. — Певческое стрелковое общество существует в Польше почти 200 лет, а наш ансамбль — три года. Мы пытаемся «омолодить» старинные напевы».

Шарольта Залатнаи в 1967 году на национальном фестивале в Будапеште получила первую премию. В 1971 году — та же награда. Певица побывала на гастролях и фестивалях в странах Европы, США, Японии. Ее приглашают с собой в поездки Том Джонс, Энгельберт Хампердинк, Жильбер Беко. «Фестиваль «Мелодии друзей» — прекрасная школа, — говорит Шарольта. — Школа дружбы и исполнительского мастерства».

С. ЧЕКРЫГИНА

гости москвы

Народная
песня
«Луанито
Лагуна»

«Трубочист
Джонни»
(М. Севен,
Т. Ржимски)

«Песня
о синей
птице»
(Т. Барта,
А. Адамш)

гости москвы

слушайте

В
номере

11 (128) ноябрь 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Что тебе помнится, крейсер «Аврора»?.. Записи времен блокады Ленинграда и новая песня, посвященная городу-герою. Стихи читает Ольга Берггольц.
2. У микрофона «Кругозора» Генеральный секретарь Компартии Аргентины Херонимо Арнедо Альварес.
3. Романтика — работа. Точка зрения бойцов студенческих строительных отрядов.
4. Саломея Нерис — литовский соловей.
5. Ростислав Плятт и радиотеатр.
6. Композитор Родион Щедрин: фрагмент Третьего фортепианного концерта.
7. На слова Леонардо да Винчи.
8. Ансамбль «Искатели»: «По долинам и по взгорьям», «Саласпилс» (Э. Кузнер, Я. Голяков).
9. Мелодии Гвиней-Бисау и островов Зеленого Мыса.
10. Поэт Франсис Лемарк (Франция).
11. Гости Москвы: Ш. Залатнай (Венгрия), ансамбль «Братство Куркове-1791» (Польша), Н. Наранхо (Куба).
12. Эдита Пьеха (СССР): «Радуга» (А. Флярковский, М. Танич), «Надежда» (А. Пахмутова, Н. Добронравов).

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
«В мире профессий.
Полиграфии».
Художник Н. Кошкин.

Сдано в набор
27.IX.1974 г.
B05809. Подп. к печ.
14.X.1974 г.
Формат 60×84 1/2
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2834. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора), Г. М. ШЕРГОВА
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

Я знал: ни на одной репродукции она не похожа — даже самые совершенные способы печати не могут передать магию кисти ее создателя. За 470 лет ее жизни находились безумцы, решавшие копировать руку Леонардо своей рукой. Известно более 60 таких попыток — талантливых в большей или меньшей степени, но равно далеких от оригинала.

Что достоверно в сотнях страниц, описывающих ее жизнь и судьбу мастера? Почему Леонардо работал всегда быстро, а этот небольшой портрет на доске из старого тополя писал почти четыре года? Говорили о романтической привязанности, рассказывали даже, как Леонардо приглашал шутов и музыкантов для хорошего настроения красивейшей из женщин Флоренции. Но неизвестно, узнавали ли современники на этом портрете тридцатилетнюю неаполитанку Лизу, жену флорентийского гражданина дель Джокондо, или Леонардо, встретив ее, нашел только повод для новых живописных экспериментов. Многие утверждают, что между настоящей Лизой дель Джокондо и ее изображением нет ничего общего. И почему мастер, хранивший память о своих работах лишь в сердце, с этим портретом не расставался ни на один день за шестнадцать лет скитаний? Последние шестнадцать лет жизни...

«Мы никогда не перестаем узнавать новое о Леонардо, и почтительный страх, который не покидал нас, уступает место волнению и расположению» — так начинается итальянский телефильм «Жизнь Леонардо да Винчи». В Италии нет специального учебного канала ТВ, но автор фильма Ренато Кастеллани избрал нарочито школярскую манеру рассказа — порой трудно понять, кто важнее: сам Леонардо или лектор-комментатор. Но найдена пропорция искусства и науки, перечисление имен, дат и названий не мешает восприятию гения, характер которого точнее других обозначила строка Бодлера: «Зеркало мрачное и глубокое. Трудно увидеть дно его».

...Во всеоружии сведений и мнений шел я на свидание. С некоторой, правда, опаской — оправдаются ли надежды?

СВИДАННИЕ

МУЗЫКА ЭКРАНА

По просьбам
читателей

И вдруг!.. Это «вдруг» неизбежно—пробыл ты около нее несколько секунд или простоял часы. Мгновения и часы здесь равны в буквальном смысле. Но кто сказал, что у нее загадочная улыбка? Даже если назвать улыбкой печальный изгиб ее губ и слегка прищуренные глаза, слова приходят на ум совсем иные: правду, и ничего, кроме правды, строго, до жестокости требовательно ждет она. В искусстве ищут ответы, ищут сочувствие и созвучие своим мыслям и переживаниям. А она только спрашивает.

К кому обращены ее вопросы?

К монахам миланского монастыря Санта Мария, пробившим в трапезной,—чтобы не остывала похлебка,—дверь в стене, на которой была Леонардова «Тайная вечеря»? К арбалетчикам Людовика XII, превратившим в мишень самое могущественное и прекрасное скульптурное творение Леонардо?

Или к самому Леонардо? «Как ржавеет без применения железа, так ум человека, не находя применения, чахнет»,—писал он. И зашифровывал свои удивительные научные прозрения, убоявшись доверить их людям. Нет, не светскую беседу о радостях жизни и красоте человеческой предлагает Мона Лиза. Рафаэль плакал у ее портрета.

Спустя десять лет он создал ее антипод—мадонна из церкви св. Сикста отвергает чье бы то ни было право судить других так сурово, как это делает Мона Лиза.

А «Джоконда» задает вопросы, которые ты не рискуешь задавать себе сам. И не сочувствие, а познание самого себя уносишь с этого свидания. Если только хватает мужества.

...На ступеньках московского музея, где Мона Лиза в течение двух месяцев принимала гостей, две молодые женщины—ее ровесницы—обмениваются впечатлениями:
— Какая Она добрая!

— Что ты! Какая Она беспощадная...

Александр ШЕРЕЛЬ

Фото А. Абазы

На седьмой звуковой странице—музыка из телефильма «Жизнь Леонардо да Винчи».

Композитор

Роман Влад,

слова Леонардо да Винчи.

Русский текст Г. Шерговой

Аранжировка А. Мажукова.

Исполняет А. Ведищева.

ЭДИТА ПЬЕХА

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

По просьбам читателей
СССР

Это было в Москве, в наполненные до краев впечатлениями дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Тогда, в 1957 году, я впервые услышал ленинградский ансамбль «Дружба» и его солистку Эдиту Пьеху. И она и весь ансамбль во главе с Александром Броневицким были поразительно молоды, жизнерадостны, и выступление, казалось, доставляло им не меньше радости и удовлетворения, чем аудитории, такой же молодой, пылкой, темпераментной. Это было выступление на той самой грани, которая отделяла самодеятельное бытие ансамбля и солистки от широкого шага на профессиональную эстраду.

Началось, кажется, с «Красного автобуса» — веселой польской песенки, которую в тот день спела Эдита Пьеха. Я не забуду этого грома аплодисментов — синхронных хлопков тысяч ладоней. А она стояла смущенная, ошеломленная своим успехом уже не в любительском концерте, не в студенческом клубе, а на открытой эстраде перед многоязыкой фестивальной аудиторией. Поразила сила обаяния певицы, не встречавшаяся ранее манера исполнения. Так я и запомнил ее. И это первое ощущение симпатии не изменило мне ни через пять, ни через пятнадцать лет.

Мое поколение помнит таких первооткрывателей эстрадной песни, как Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов, Марк Бернес, но помнит оно и многочисленных нищих талантом и дарованием подражателей, певших под Русланову, под Шульженку, под Утесова, под Бернеса. Сейчас многие поют под Эдиту Пьеху. Поют потому, что она стала первооткрывателем собственного жанра, определенного стиля жизни на сцене.

О ней много пишут сейчас, ее голос звучит по каналам радио и телевидения, записан на пластинки. Потому что Эдита Пьеха — это мастерство и своеобразие.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
лауреат Ленинской премии